

которымъ одно время сильно увлекался Толстой, произошло то, что человѣкъ сильнаго ума и громадной воли, сознательно прокладывавшій себѣ дорогу въ опредѣленныхъ областяхъ жизни и добившійся многаго, что высоко цѣнилъ,—вдругъ остановился на серединѣ пути и сталъ съ мучительнымъ недовѣріемъ осматриваться вокругъ, ища слѣдовъ невидимой, враждебной Воли, затянувшей его въ эту обманчивую и тяжелую комедію.

«Невольно мнѣ представилось, что тамъ гдѣ-то есть Кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я 30—40 лѣтъ жилъ, учась, развиваясь, взрастая тѣломъ и духомъ, и дошелъ до вершины жизни, съ которой видна вся она, и дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, не было и ничего не будетъ».

Жалкой комедіей признано художественное творчество и успѣхъ его въ мірѣ, семейное счастье, вицѣнное благополучіе, весь строй такъ называемой культурной жизни; всѣ ея цѣнности—только аксессуары этой пошлой человѣческой комедіи, въ которой лжи, фальши, тупости и нравственнаго беззаконія столько, что ихъ достаточно, чтобы задохнуться отъ отвращенія весь міръ.

Толстой нетерпимо отворачивается отъ этого міра, въ которомъ началъ уже задыхать-